Политическая религия в России
Конституция 1993 года как Священное Писание

Ульрих Шмид

Ульрих Шмид. Доктор славистики, профессор русской культуры Университета Санкт-Галлена.
Адрес: 1 Gatterstraße, CH-9000 St. Gallen, Switzerland.
E-mail: ulrich.schmid@unisg.ch.

Ключевые слова: конституция, политическая религия, инаугурация, право, культура.

В статье рассматривается дискурсивный статус Конституции в политической системе России. Начиная с утверждения Эрнста-Вольфганга Бёкенфёрде о том, что либеральное государство не в состоянии гарантировать собственные постулаты, указывается на то, что многие современные государства используют политические церемонии именно для того, чтобы скрыть этот парадокс. К такого рода церемониям следует отнести произнесение клятвы при вступлении в президентскую должность, которая в США, как правило, приносится на Библии. В России же президент приносит клятву на особом экземпляре Российской Конституции, которая тем самым вбирает в себя функции Священного Писания. Конституция в России играет вообще важную роль не только в юридической системе, но и в политической религии, обеспечивающей социальную легитимацию путинской власти.

POLITICAL RELIGION IN RUSSIA. The Constitution 1993 as a Holy Scripture

Ulrich Schmid. PhD in Slavic Philology, Professor of Russian Studies at the University of St. Gallen.
Address: 1 Gatterstraße, CH-9000 St. Gallen, Switzerland.
E-mail: ulrich.schmid@unisg.ch.

Keywords: consitution, political religion, inauguration, law, culture.

The article examines the discursive status of the constitution in the Russian political system. Starting from Ernst-Wolfgang Böckenförde's affirmation that the liberal state is not able to guarantee its own premises, it is argued that many contemporary states use political ceremonies in order to veil this paradox. A case in point is the inaugurational oath of office in the USA, which usually is taken on the bible. In Russia, the president takes his oath on a special copy of the Russian constitution which functions as a kind of a Holy Scripture. Generally, the constitution plays an important role in Russia not only in the legal system, but also in the political religion that reassures the social legitimacy of Putin's power.

В 1976 ГОДУ немецкий юрист Эрнст-Вольфганг Бёкенфёрде в своей знаменитой формуле продемонстрировал, что легитимность современного правового государства в определенном смысле висит в воздухе:

> Либеральное, секулярное государство стоит на основаниях, которые само не в состоянии гарантировать. Это рискованное предприятие, на которое оно идет из воли к свободе. С одной стороны, существовать в качестве либерального оно может лишь тогда, когда свобода, предоставляемая его гражданам, регулируется изнутри моральной субстанции личности и однородности общества. С другой стороны, государство не может искать гарантии этих внутренних регуляций в самом себе, то есть в средствах правового принуждения и авторитарного установления, не жертвуя своим либеральным характером и не отступая (на секулярном уровне) к тем тоталитарным притязаниям, от которых избавилось в итоге гражданских религиозных войн[1].

Этими словами Бёкенфёрде точно описывает основополагающую дилемму либерального государства. Тем не менее лишь немногие государства открыто признают эту аксиоматическую установку в качестве своей идеологической предпосылки. Как правило, отсутствие легитимизации системы политического правления камуфлируется целым рядом ритуалов гражданской религии, призванных создать видимость того, что современное государство может гарантировать свои собственные основания.

Авторизованный перевод с немецкого *Антона Котенева*.

1. *Böckenförde E.-W.* Staat, Gesellschaft, Freiheit. Fr.a.M., 1976. S. 60.

Этот процесс можно описать как концепцию «политической религии». Религия — это идеологическая система, выдающая собственную беспредпосылочность за абсолютную истину. Истина — не дискурсивная система оснований, аргументов и выводов, но идеологическое пространство, внутри которого можно передвигаться, будучи верующим, и которое остается покинуть, будучи неверующим. Политическое пространство общества, организованного как государство, также может иметь подобный религиозный подтекст.

Уже в 1939 году за авторством венского политического философа Эрика Фёгелина вышла книга «Политическая религия». Там он развивает тезисы, сформулированные в его книге «Авторитарное государство», опубликованной еще в 1936 году и описывавшей национал-социалистический тоталитаризм[2]. После аншлюса Австрии Фёгелину было ясно, что национал-социалистическое обоснование власти функционирует как политическая религия. Расистский национализм был новым святым учением, призванным обосновать «Тысячелетний Рейх».

За 10 лет до этого Рене Фюлёп-Миллер в своем обширном конспекте революционной культуры советской России, озаглавленном «Дух и лицо большевизма», указал на религиозное измерение коммунистической власти. Во введении к этой книге он пишет, что лишь в незначительной степени рассматривает большевизм как политическую проблему. Ведь амбиции новой власти куда серьезнее:

> В чем всегда состоял последний смысл любых человеческих стремлений, за что боролись мыслители всех времен, о чем свидетельствовали мученики своим примером в жизни и смерти — стремление к спасению и счастью человечества: все это утверждал большевизм, он был способен на это, прямо сейчас и без малейшего промедления[3].

С концом коммунистических и фашистских диктатур концепция «политической религии» не изжила себя. Так, немецкий Основной Закон, отражающий реакцию на ужасы эпохи Гитлера, обнаруживает довольно отчетливые черты политической религии. Знаменитая статья 1 с первым предложением «Человеческое достоин-

2. *Voegelin E.* Die politischen Religionen. Stockholm, 1939; *Idem.* Der autoritäre Staat. Wien, 1936.
3. *Miller R. F.* Geist und Gesicht des Bolschewismus. Darstellung und Kritik des kulturellen Lebens in Sowjet-Rußland. Zürich, 1926. S. 1.

ство неприкосновенно» возводит права человека в ранг политической религии.

Политическая религия также сильнейшим образом выражена в США. Декларация независимости, один из основополагающих документов Соединенных Штатов, явно отсылая к дилемме Бёкенфёрде, решает ее в позитивном ключе: либеральное государство вовсе не должно само себя легитимировать, потому что цели этого государства очевидны и основаны на естественном праве: «Мы считаем самоочевидными истины, что все люди созданы равными и наделены Творцом определенными неотъемлемыми правами, к числу которых относится право на жизнь, на свободу и на стремление к счастью». В этой формулировке интересно упоминание некоего надконфессионального «Творца», который заступает на место личного Бога. Так, Декларация независимости и в дальнейшем Конституция приобретают статус Священного Писания, которое представляет собой не только юридический документ, но и объект религиозного почитания.

Американская политическая религия сохранилась до наших дней, а после терактов 11 сентября даже укрепила свои позиции. Эмилио Джентиле в своей книге «Божья демократия» исследует, как администрация Джорджа Буша-мл., обращаясь к религиозному дискурсу, использовала ресурсы истинной веры для укрепления американских ценностей. Тот, кто оказывался за пределами этого поля или просто не был в состоянии продемонстрировать достаточную степень восторга перед американской политической религией, маргинализировался или даже объявлялся врагом[4].

Дилемма самообоснования либерального государства также проявляется в инаугурационных ритуалах больших демократий. В США новый президент приносит клятву на Конституции. В качестве элемента политической религии не стоит недооценивать тот факт, что многие президенты при этом держат руку на Библии. Интересно, однако, что Джон Куинси Адамс был приведен к присяге с рукой, возложенной на собрание законов[5]. Особенно отчетливо смешение американской гражданской религии и хри-

4. *Gentile E.* God's Democracy. American Religion after September 11. Westport, 2008. P. 139–148.
5. *Lindquist G., Handelman D.* The Long Past Foregrounding the Short Present — Prologue and Introduction // Religion, Politics, and Globalization: Anthropological Approaches / G. Lindquist, D. Handelman (eds). N.Y., 2011. P. 1–68, 48.

стианства проявилось, когда Обама был приведен к присяге в качестве президента в 2009 году. В ходе публичной церемонии Обама использовал личную Библию Линкольна, которая уже использовалась в 1861 году. Таким образом, Обама смешал христианскую традицию с либеральной традицией американского республиканизма (не в партийно-политическом, но в идеологическом смысле). Что интересно, публичную клятву 20 января 2009 года пришлось повторить еще раз, уже непублично, в Белом доме, потому что главный судья Робертс нечаянно изменил порядок слов присяги, предписанной Конституцией. Таким образом, клятва действительна только при соблюдении четко определенного порядка слов — в точности как заклинание, которое тоже следует повторить слово в слово. Так как повторение клятвы не было публичным, в ритуале логично отсутствовала Библия[6]. Этот эпизод показывает, что комбинация ценностей «республиканизма» и «христианства» прежде всего используется в целях публичной легитимации президентской власти. Однако пророк этой политической религии не Христос, а Авраам Линкольн. Последняя инстанция полномочий американского президента проистекает из этой политической религии. Священное Писание обосновывает не только веру в спасение собственной души, но и мирскую власть.

В России должностная присяга дается исключительно на Конституции. Из церемонии полностью изъята христианская символика. С одной стороны, логическое заколдованное кольцо в обосновании современного государства проявляется здесь более отчетливо, чем в американском случае. С другой стороны, действие Конституции через ряд ритуальных процедур приобретает явный метафизический характер.

Так, президент России приносит присягу на особом, единственном в своем роде экземпляре российской Конституции. Этот уникальный экземпляр, переплетенный красной кожей варана, был создан в 1996 году и используется в соответствии с указом «Об официальных символах президентской власти и их использовании при вступлении в должность вновь избранного Президента Российской Федерации»[7]. Конституция в ходе инаугурации не простой суррогат Библии, она сама становится чем-то вроде Священного Писания. Конституция в таком контексте использо-

6. *Andrews J.* Barack Obama and Leadership: 10 Reasons the 44th President Squandered Unprecedented Goodwill. Washington, 2012. P. 126.
7. См. URL: www.legis.ru/misc/doc/1810/.

вания из правового документа превращается в объект почитания гражданской религии. В конечном счете она занимает место центрального фетиша в системе политической религии современной России. Этому фетишу также приписывают магическую силу, которая передается каждому следующему главе российского государства. В то же время фетиш запрещено подвергать открытой критике, так как в данном случае он может быть расколдован. В политической риторике Ельцина и Путина высшей ценностью государства является «конституционный порядок».

Для того чтобы точно описать фетишистскую магию Конституции, следует разобраться, какими магическими способностями наделяется важнейший адепт этого фетиша. В российской Конституции президент занимает чрезвычайно сильную позицию. Эта позиция не является чем-то уникальным в европейском контексте: действующая российская Конституция во многом опирается на до сих пор актуальную Конституцию французской Пятой республики[8]. Де Голль в этой Конституции оставил за собой как за президентом значительные полномочия, чтобы в дальнейшем иметь возможность действовать беспрепятственно в ходе Алжирской войны. Авторитарная ориентация голлистской Конституции была уже на раннем этапе подвергнута критике со стороны Франсуа Миттерана, охарактеризовавшего ее в 1964 году как «перманентный государственный переворот». В свою очередь, заняв президентский пост, он иронично заметил, что, хотя эта Конституция и не особо социалистическая, с ее помощью можно неплохо управлять страной. Уже на смертном одре он добавил, что Конституция была опасна для него и будет представлять опасность для будущих президентов[9].

Различие между французской и российской конституциями состоит в том, что сильная позиция президента в России далее дополнительно укрепляется через ряд строгих неформальных правил. Британский политолог Ричард Саква даже говорит применительно к России о «двойном государстве»: конституционном, которое должно функционировать как правовое, и неофициальном, которое опирается на скрытые договоренности[10]. Однако не стоит забывать, что неофициальное государ-

8. *Von Steinsdorff S.* Die Verfassungsgenese der Zweiten Russischen und der Fünften Französischen Republik im Vergleich // Zeitschrift für Parlamentsfragen. 1995. Bd. 26. S. 486–504.
9. *Zorgbibe Ch.* De Gaulle, Mitterrand et l'esprit de la Constitution. P., 1994.
10. *Sakwa R.* The Crisis of Russian Democracy: The Dual State, Factionalism, and the Medvedev Succession. Cambridge, 2011.

ство не может существовать исключительно в режиме тайны. Оно определяет едва ли не важнейшие процедуры принятия решений, однако при этом оно должно легитимироваться внешней визуализацией. Важным приемом в этом отношении является очарование общества посредством Конституции, которая выступает в качестве не только правового документа, но также Священного Писания.

Особенно ярко магическая сила Конституции проявляется через включение в праздничный календарь политико-религиозных церемоний постсоветского государства. В 1994 году президент Ельцин сделал 12 декабря, годовщину принятия российской Конституции, нерабочим праздничным днем. Таким образом, принятие Конституции выделялось как самое важное событие президенства Ельцина. После 2000 года конституционная символика менялась. В 2005 году Путин отменил этот праздник и перевел его в ранг «памятной даты». День Конституции Российской Федерации оказался приравнен к событиям вроде дня Крещения Руси (28 июля), Дня солидарности в борьбе с терроризмом (3 сентября) или годовщины Великой Октябрьской социалистической революции (7 ноября)[11].

Все эти даты отмечают исторические события, которые определяют то состояние, которое должно представляться политической культурой как вечное, длящееся до сих пор. Крещение Руси основало христианскую Россию, сегодня активно использующую свое православие в качестве символического ресурса; борьба с терроризмом — это центральная риторическая фигура обоснования защиты территориальной целостности государства; Октябрьская революция знаменует собой конец феодальной эксплуатации и начало общественной солидарности. Другими словами, так же как библейская история спасения человека, принятие Конституции выступает в качестве метафизического события, которое парадоксальным образом соединяет в себе волшебное начало и вечную длительность.

Поэтому День Конституции является не датой, которая обращает нас к событию прошлого, но подтверждением ценностного канона, который в ритуальной манере должен подтвердить свою пригодность для будущего. То, что можно было бы вспомнить, едва ли стоит празднования. Действующая российская Конституция была написана и принята крайне недемократическим путем. Борис Ельцин созвал Конституционное совещание, одна-

11. См. URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_153949/.

ко 762 представителя были не избраны народом, а приглашены самим Ельциным. Благодаря этому ходу Ельцин хотел преодолеть тупик, к которому пришли взаимоотношения правительства и парламента, и сформировать новый базис политической системы Российской Федерации. 21 сентября 1993 года своим декретом Ельцин упразднил Конституцию, оставшуюся с советского времени, и распустил парламент. Тем не менее ни парламент, ни Конституционный суд не признали этих решений. Парламент сдался лишь после артиллерийского огня по Белому дому, в результате которого погибли порядка ста человек. Ельцин ввел комендантский час и арестовал приблизительно 6 тысяч своих противников. Пресса, критически настроенная к Ельцину, была завалена судебными исками и подвергнута цензуре. В октябре 1993 года собралось новое, меньшее Конституционное совещание. Президентская власть в новом тексте была усилена даже по сравнению с предыдущим проектом основного закона[12]. Российская Конституция в ст. 83–90 приписывает президенту длинный список полномочий. В российском государственном управлении нет такой зоны, в которой президент не имел бы либо значительного влияния, либо права вето[13]. Уже ст. 80 закрепляет за президентом особую позицию:

1. Президент Российской Федерации является главой государства.
2. Президент Российской Федерации является гарантом Конституции Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина. В установленном Конституцией Российской Федерации порядке он принимает меры по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти[14].

Особенно здесь поражает формулировка, согласно которой президент является гарантом Конституции. В принципе роль храни-

12. *Ahdieh R. B.* Russia's Constitutional Revolution. Legal Consciousness and the Transition to Democracy, 1985–1996. University Park, 1997. P. 56–73.
13. *Scheppele K. L.* «We forgot about the ditches»: Russian Constitutional Impatience and the Challenge of Terrorism // Drake Law Review. 2004–2005. Vol. 53. P. 963–1027, 995.
14. См. URL: http://www.constitution.ru/10003000/10003000–6.htm.

теля Конституции закреплена за Конституционным судом. Однако в России президент де-факто назначает судей практически самостоятельно[15]. Валерий Зорькин, ставший впоследствии председателем Конституционного суда, сравнил российскую Конституцию с советским основным законом, в котором была закреплена руководящая роль Коммунистической партии. По словам Зоркина, единственное отличие состоит в том, что место целой партии занял один-единственный человек[16].

П. «е» ст. 84 Конституции вдобавок возвышает этого единственного человека до жреца конституционного Евангелия. Здесь утверждается, что раз в год президент должен выступать перед Федеральным Собранием с докладом «О положении в стране, об основных направлениях внутренней и внешней политики государства». Эта речь также является своего рода торжеством президентской власти как таковой. Ельцин и Путин читали речь в Мраморном зале 14-го корпуса Кремля. Это место сильно нагружено символически. Мраморный зал был построен в 1982 году для проведения заседаний ЦК КПСС. Классицистское великолепие внутреннего убранства было призвано подчеркнуть важность момента. В конце 1980-х годов провинциальный депутат описал это помещение в благоговейных и — одновременно — критических выражениях:

> Впервые узнав о Зале Пленумов ЦК КПСС (иначе как с большой буквы об этом сооружении я писать не могу) из газеты «Челябинский рабочий», я решил, что автор Г. В. Сачко (ныне моя коллега по залу) преувеличивает. Но нет!
>
> Пол: инкрустированный мрамор и наборный паркет (наверное, я что-то путаю в терминах от восторга). Люстры: иначе как хрустальным водопадом это не назовешь. Стены: мрамор, мрамор, мрамор… Особо в этом обилии отчасти даже элегантной роскоши выделяется президиум: монументальное сооружение из карельской березы, где в одиночестве (я описываю первый Пленум ЦК нового созыва), возвышаясь над залом, царит М. С. Горбачев. <…>

15. *Scheppele K. L.* A Comparative View of the Chief Justice's Role. Guardians of the Constitution: Constitutional Court Presidents and the Struggle for the Rule of Law in Post-Soviet Europe // University of Pennsylvania Law Review. 2005–2006. Vol. 154. P. 1756–1851, 1767.
16. Ibid. P. 1835.

> Да, этот зал строили вроде бы во времена Брежнева (или еще раньше), а не в период «перестройки». Но зачем эта вопиющая роскошь сегодня?[17]

Мягкое критическое замечание челябинского депутата Бузгалина отражает ленинский этос пролетария, восстающего против церемониала официальной политической религии. Тем не менее Мраморный зал еще не был верхом совершенства в том, что касалось способов самопредставления новой власти.

В годы президентства Медведева президентские послания читались в Георгиевском зале Кремлевского дворца. Таким образом Медведев значительно сдвинул акценты. С одной стороны, он следовал не советской, а монархической традиции отправления политической религии, с другой — он поднимал престиж Конституции, выбирая места даже более великолепные, чем Мраморный зал.

На третьем сроке Владимира Путина церемония оглашения посланий вновь переместилась в Мраморный зал. Это понижение характеризует место Конституции в иерархии политической системы Российской Федерации. Путин ставит свою собственную персону перед письменным текстом Конституции. Упрощая, можно сказать, что Конституция гарантирует президента. Искусно вплетая Конституцию в свои выступления, Путин укрепляет собственную легитимность. Хороший пример — газетная статья «Демократия и качество государства», вышедшая в газете «Коммерсант» 6 февраля 2012 года в преддверии президентских выборов. Конституция вовсе не играет там той роли, которую можно было бы предположить: она фигурирует в тексте не в качестве основания демократического правового государства, но появляется лишь в качестве некоего общего места. В своей статье Путин употребил слово «конституция» только один раз в придаточном предложении в качестве синонима слова «демократия»[18]. Соответственно, в символике путинского правления российская Конституция редуцируется к формальному пафосу, имеющему легитимирующее значение для функционирования системы власти. Она, таким образом, камуфлирует в риторике Путина тот дискурсивный разрыв, который точно обозначил в своей формуле Бёкенфёрде.

17. *Бузгалин А. В.* Белая ворона (последний год жизни ЦК КПСС: взгляд изнутри). М., 1994. С. 76–77.
18. Владимир Путин: Демократия и качество государства // Коммерсантъ. 6.2.2012. URL: http://www.kommersant.ru/doc/1866753.

Политическая религия, которая сегодня исповедуется в России, сконцентрирована на своем пророке — президенте. Его слово действительно опирается на Священное Писание Конституции, которое вместе с тем нуждается в интерпретации. Это богослужение интерпретации президент осуществляет для своей общины — российского народа.

Насколько мощным потенциалом обладает данная интерпретация, показывает помилование Михаила Ходорковского, о котором Путин объявил по случаю 20-й годовщины российской Конституции 12 декабря 2013 года. По Конституции у президента есть право помилования (п. «в» ст. 89). Путин, очевидно, воспользовался этим правом не для того, чтобы сделать одолжение Ходорковскому, а для того, чтобы в преддверии зимних Игр в Сочи избавиться от одной из чувствительных для Запада российских проблем. Сам факт, что очевидная причина (Сочи) не была в этом помиловании упомянута ни единым словом, показывает, как Конституция в политическом дискурсе Путина работает в качестве заклинания, способного вызвать к жизни желаемый образ действительности.

REFERENCES

Ahdieh R. B. *Russia's Constitutional Revolution. Legal Consciousness and the Transition to Democracy, 1985–1996*, University Park, Pennsylvania State University Press, 1997.

Andrews J. *Barack Obama and Leadership: 10 Reasons the 44th President Squandered Unprecedented Goodwill*, Washington, Steward Publishing, 2012.

Böckenförde E.-W. *Staat, Gesellschaft, Freiheit*, Frankfurt am Main, 1976.

Buzgalin A. V. *Belaia vorona (poslednii god zhizni TsK KPSS: vzgliad iznutri)* [White crow (An Inside Look at the last year of life of the Central Committee of the CPSU)], Moscow, Ekonomicheskaia demokratiia, 1994.

Gentile E. *God's Democracy. American Religion after September 11*, Westport, Praeger, 2008.

Lindquist G., Handelman D. The Long Past Foregrounding the Short Present — Prologue and Introduction. *Religion, Politics, and Globalization: Anthropological Approaches* (eds G. Lindquist, D. Handelman), New York, Berghahn Books, 2011.

Miller R. F. *Geist und Gesicht des Bolschewismus. Darstellung und Kritik des kulturellen Lebens in Sowjet-Rußland*, Zürich, Amalthea, 1926.

Putin V. V. Demokratiia i kachestvo gosudarstva [Democracy and the quality of state]. *Kommersant*, February 06, 2012. Available at: http://www.kommersant.ru/doc/1866753.

Sakwa R. *The Crisis of Russian Democracy: The Dual State, Factionalism, and the Medvedev Succession*, Cambridge, Cambridge University Press, 2011.

Scheppele K. L. "We forgot about the ditches": Russian Constitutional Impatience and the Challenge of Terrorism. *Drake Law Review*, 2004–2005, vol. 53.

Scheppele K. L. A Comparative View of the Chief Justice's Role. Guardians of the Constitution: Constitutional Court Presidents and the Struggle for the Rule of Law in Post-Soviet Europe. *University of Pennsylvania Law Review*, 2005–2006, vol. 154.
Voegelin E. *Der autoritäre Staat*, Wien, Springer, 1936.
Voegelin E. *Die politischen Religionen*, Stockholm, Bermann Fischer, 1939.
Von Steinsdorff S. Die Verfassungsgenese der Zweiten Russischen und der Fünften Französischen Republik im Vergleich. *Zeitschrift für Parlamentsfragen*, 1995, vol. 26, pp. 486–504.
Zorgbibe Ch. *De Gaulle, Mitterrand et l'esprit de la Constitution*, Paris, Hachette, 1994.